

Б. ГРИФЦОВ

<Рец. на кн.:> Андрей Белый. Символизм

Книга статей. К-во «Мусагет». М., 1910. Стр. IV + 633.

Ц. 3 руб. — **Луг зеленый**. Книга статей. К-во «Альциона».

М., 1910 г. Стр. 247. Ц. 1 руб. — **Арабески**. Книга статей.

К-во «Мусагет». М., 1911 г. Стр. IV + 501. Ц. 2 руб. 50 коп.

Одна за другой вышли три теоретические книги Андрея Белого, в которых собраны его статьи за 9 лет. По своему плану эти книги образуют как бы одно целое, и можно было бы предположить, что при своих внушительных размерах они достаточно определяют философский облик автора. Однако надо отметить с первого слова, что А. Белый сделал все, чтобы затруднить доступ к своим мыслям. Прежде всего он загрозил важными и драгоценными статьями случайным материалом, представляющим собою перепечатку разных его журнальных заметок, недоработанных, написанных небрежно, исполненных повторений и разногласий всякого рода. Чего от А. Белого можно ожидать в смысле сосредоточенного рассказа о его впечатлениях, действительно приобретающих символическое значение, видно из его коротенькой, но поразительной статьи о Вл. Соловьеве. Такие же памятные частности есть и в его «силуэтах» Мережковского, Вяч. Иванова, отчасти в заметках о Гоголе, Чехове, Брюсове. Но наряду с ними напечатана заметка о Блоке, где поистине правая страница не знает, что стоит на левой, напечатаны случайные, оборванные соображения о Л. Андрееве, претенциозная статья о Сологубе и т. п. Довольно значительное место в книгах занимают злободневные и полемические заметки, которые ни в каком случае не следовало бы перепечатывать. Стиль их сам автор осудил в предисловии¹. А их содержание? Небрежные строки о Бодлэре, рецензии на забытые книги, нескончаемая брань по адресу г. Чулкова, куда более многословная и крикливая, чем маленькая и явно незначительная книжка самого Чулкова². Невозможно одобрить и размещение статей, делающее книги А. Белого беспорядочными тетрадя-

ми архива. По существу, его статьи естественно распадаются на четыре отдела: вопрос о форме стиха (отдельное исследование, вошедшее в «Символизм»), статьи философские (по эстетике с переходом к метафизике), статьи историко-литературные и статьи, которые приходится назвать лирическими (созданная Белым прекрасная форма образных размышлений). Но в книгах А. Белого статьи размещены совершенно произвольно, и неизвестно почему «силуэт» Вяч. Иванова помещен в «Арабесках», а «силуэт» Бальмонта в «Луге зеленом». Неизвестно почему статья о «Венке» Брюсова в одном сборнике, а об «Огненном ангеле» в другом. Так же разбиты Чехов, Мережковский. Из лирических статей «Луг зеленый» открывает одноименный сборник, а «Феникс», «Маска» отнесены в «Арабески». «Цель “Арабесок” конкретизировать те общие положения, которые я наметил в своей книге “Символизм”», — пишет автор. Но тогда почему же не в «Символизм», а именно в «Арабески» попала статья «О целесообразности»? Напрасно также А. Белый упорно домогается внешней научности, которая совершенно чужда ему. Характерный пример этого — объемистые комментарии к «Символизму», разбивающие внимание незначительными частностями, притязательными списками книг по различнейшим отраслям знания, списками случайными, не всегда верными или заимствованными. Но в этом сказалась какая-то роковая черта в А. Белом, которой обязаны появлением в свет и чертежи в книгах, редко что-либо объясняющие, но всегда способные запугать читателя. Наконец, далеко не везде безупречен слог (наудачу взятые примеры см.: «Арабески», с. 268, 349, 277, 418, 422 и т. д.) и местами не нужен труден язык (теоретические статьи в «Символизме»). Небрежность доходит до того, что в статьях, самая цель которых — точная формулировка, рассыпаны противоречивые заявления. В конце концов, трудно представить себе, на какой круг читателей рассчитывал автор, издавая свои книги, с таким разноценным и разнохарактерным содержанием. Он, по-видимому, хочет, чтобы его волкумы преодолели и гносеологи, и историки литературы, и поэты, интересующиеся техникой своего искусства, и просто читатели с среднерусским образованием. Но почти с уверенностью можно сказать, что не у многих достанет сил одолеть такое количество печатных страниц, где ценное надо с трудом выбирать из груды лишнего! И тем не менее, если у книг А. Белого читатель найдется, он будет щедро вознагражден за свой немалый труд и простит Белому все те нелепости, которыми он себя закрутил и замучил.

Подлинная сила А. Белого в лирике, в лирическом постижении мира. У него есть счастливая способность связать вечные образы Сфинкса, Феникса, Маски с современностью, с проблемами, вновь вставшими в Ницше, в новой музыке, в новой общественности.

Скорее даже не с проблемами, а мироощущением, ибо радостная весть, которую он несет, недоказуема, несводима на понятия. «Любя, победим. Лучезарность с нами. О, если бы, просияв, мы вознеслись. С нами покой. И счастье с нами»³. Такова «благая весть» Белого. Но следя год за годом совершенный им путь, мы видим, как меркнет в нем доверие к миру, которое было необходимо для постижения мира в золоте и лазури. «И летишь крикливой красной ласточкой, режущей пустоту ночей полетом и песней весенней»... «Вот мы радостно разойдемся, принося весть, что желанная тайна открылась и что воскрес из мертвых Феникс Ницше»⁴. Так пророчествовал Белый, но скоро открылось, что радость была ненадолго. Не это, конечно, важно — радость или трагедия. Гораздо печальнее то, что самый метод лирический, доверчивый, обновляющий также был ненадолго. Белого он быстро привел к истерике, к подозрительности, к полемическому задору, направленному не на истинных врагов. Естественно было думать, что для него злейший враг — мысль, «превратившая песнь земли и неба в противоестественные абстракции». Но Белый повел борьбу не с нею, а с донкихотовыми мельницами, вроде «мистического анархизма». И ради чего? Ради механически, рационалистически понимаемой культуры, ради системы в понятиях. «Тень идеи — понятие; но понятие не идея», так очень правильно и смело утверждал когда-то свою позицию А. Белый. Тем не менее очень скоро понятие стало его целью, и мы уже видим, что он проповедует «независимую эстетику как точную науку», или еще «эстетику как систему точных экспериментальных наук». Искусство всегда было для Белого исходным пунктом всех его выводов. Преданность искусству, безграничная, бездумная, окрыляла его писания. Но оно никогда не было его целью. «Вместо бездонных образов душа просит бездонной жизни», — писал он. Но возможна ли теперь бездонная жизнь? не убит ли, не погиб ли безвозвратно этот дар? С таким положением не мирится Белый. Во что бы то ни стало он ищет иной исход и думает, что находит его в «эстетике как естественнонаучной дисциплине». Совершается невероятный переход от искусства к противоположному ему естествознанию, от лирики и Феникса к Марбургу, к современной немецкой логике. Ею заменяется столь смело воскрешенный прежде Белым интуитивный метод, почти достойный эллинской мудрости. Странно только то, что притязания при этом остаются прежние. Не частные дисциплины, не отдельные специальные проблемы стремится изучать он, но вновь жаждет метафизики. Но возможно ли, однако, этим именем назвать систему формальных, общих и пустых понятий?

Так, уничтожая друг друга, борются в А. Белом две силы: интуитивная и аналитическая. И в своих книгах он создал не систе-

му, а поражающий искренностью рассказ <о> немислимости системы теперь и о пережитом им кризисе, значение которого далеко выходит за пределы личной судьбы Белого, который намечает скорее пределы общеобязательного кризиса. Рассказ этот тем более драматический, что для Белого он — не прояснившаяся рассудочно мысль, а непосредственно пережитая борьба. Этой борьбой объясняется и большинство противоречий в книгах Белого. То он восклицает: «Не мешало бы чаще совершать паломничество в Марбург!», призывает к «серьезной, как музыка Баха, строгости теории познания», даже Гоголю рекомендует «паломничество к фолиантам Бёме», то вдруг на вершинах познания ему открывается, что они — ледяные, мертвенные, и сам Кант оказывается всего лишь «гениальным мертвецом». Та же антиномия сказывается и в плоскости простого наблюдения. Где сам Белый? — в его ли словах: «город — мост к будущему, он — радуга, перекинута от земли к небу» или в наименовании города «паразитом», «зверем», «смертью», в восклицании: «горе, горе поклонившимся городу!» И если сила интуитивная дала в книгах Белого напряженно лирические страницы («Луг зеленый», «Феникс», «Песнь жизни», «Священные цвета»), то справедливость требует сказать, что аналитическая сила дала замечательное исследование о форме стиха. Пусть в конечных выводах оно окажется поспешным, пусть в своем анализе стиха Белый полпути принял за целый, важно то, что он положил начало, у нас, по крайней мере, новой и бесспорно важной дисциплине. Впервые у нас изучается стих как самостоятельная область. Историческое значение книг А. Белого как свидетельства о пройденном им пути, характерном для всего нашего времени, огромно; но из архивных груд, образующих три его тома, извлекаются и отдельные, объективно ценные фрагменты. Подражая языку самого Белого, можно сказать: Когда он снизойдет до того, чтобы из своего философского и литературного архива выработать небольшие сосредоточенные книги, они будут важным явлением. Но пока двери к идеям Белого полузакрыты. Его отдельные замечательные мысли, начала интересных исследований, поразительные частности тонут в массе сырого, необработанного материала.

